

А.В. Лысова

НАСИЛИЕ В ДОБРАЧНЫХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЯН**

В статье приведены результаты общероссийского исследования добрачных и супружеских отношений россиян, проведенного осенью 2007 г. Исследование проводилось с позиции «перспективы семейного насилия», поэтому вопросы о совершении насилия задавались мужчинам и женщинам. Метод многомерного анализа с вычислением коэффициента гамма показал, что даже при учете действия контрольных переменных (пола, возраста, доходов и др.) уровень совершения насилия в отношениях сожительства оказался максимальным по сравнению с двумя другими типами отношений. Предложены возможные объяснения этого, включая «незавершенность» института сожительства.

Ключевые слова: физическое насилие, брачные отношения, сожительство, свидания, факторы риска.

Key words: physical violence, marital relationships, cohabitation, dating relationships, risk factors.

Современные социологические исследования показывают, что межличностное насилие является неотъемлемой частью жизни многих семей. Однако вопрос, является ли насилие чертой именно института семьи или также характерно для других форм совместной жизни, например добрачных свиданий или совместного проживания без заключения официального брака (сожительство), в России пока остается без ответа. Другими словами, является ли статус интимных отношений фактором совершения насилия над интимным партнером? Под насилием в работе будет пониматься применение *физической силы* с намерением причинить боль или нанести травму своему партнеру.

Цели исследования. Во-первых, измерить уровень совершения насилия в трех типах интимных отношений россиян: в брачных отношениях, со-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК – 469.2006.6.

жительстве и на этапе свиданий. Во-вторых, выявить, связаны ли предполагаемые различия в уровне насилия в трех типах интимных отношений с природой самих отношений или могут объясняться различиями в социально-экономических характеристиках респондентов. Для этого будет учтено влияние ряда переменных на уровень совершения насилия, которые могут нивелировать различия между типами интимных отношений, а именно: пол, возраст, среднедушевые доходы, уровень образования, социально-профессиональный статус и размер населенного пункта.

Актуальность изучения насилия в добрачных отношениях россиян связана с широким распространением неформальных союзов и снижением коэффициента брачности (Население России... 2006; Вовк 2006). Более того, в процессе трансформации современной семьи от патриархальной и детоцентристской к супружеской модели ученые предсказывают дальнейшее стирание границы между зарегистрированным браком и «свободным союзом», когда выбор между этими моделями будет связан скорее с соображениями удобства, нежели с принципами (Голод 2003: 111). Можно выделить две основные формы добрачных отношений: свидания (или ухаживания) и сожителства. Под сожителствами понимаются отношения, предполагающие совместное проживание без официальной регистрации отношений, продолжительность которых составляет в среднем более двух лет. Свидания обычно продолжаются не более двух лет, когда предполагается только раздельное либо иногда раздельное и иногда совместное проживание.

Обзор исследований насилия в добрачных и семейных отношениях.

Уровень физического насилия в российских семьях. Жертвами физического насилия в семье и интимных отношениях по результатам отечественных исследований становятся от 4,3 % (Женщина новой России... 2002: 78) до 50 % (Горшкова, Шурыгина 2003) женщин. Мужчины также становятся жертвами домашнего насилия. В исследовании супружеских пар в 1996 г. 13,9 % женщин сообщили, что запускали каким-то предметом в мужа, 22 % — толкали мужа, 16,5 % — давали пощечину, 6,4 % — били мужа (Римашевская и др. 1999: 203). По данным международного исследования насилия, в добрачных отношениях об опыте насилия сообщили около 26 % опрошенных российских мужчин (Лысова 2006).

Уровень насилия в зависимости от статуса отношений. В проведенных ранее отечественных социологических и криминологических исследованиях вопрос о статусе отношений как возможном факторе насилия, как правило, не ставился, поэтому сожителей и супругов чаще всего объединяли в одну категорию. Однако в социологическом исследовании супружеских пар в 1996 г., где сожители и супруги рассматривались раздельно, не было выявлено значимых различий в уровне виктимизации женщин в зависимости от типа отношений (Римашевская и др. 1999: 202–203). Подчеркнем, что речь шла о виктимизации, а не о совершении насилия самими респондентами. Данные этого исследования не согласуются с результатами большинства исследований в западных странах, где женщины гораздо чаще становятся

жертвами насилия в отношениях сожительства, чем в брачных отношениях. Результаты исследования насилия с применением репрезентативной американской выборки объемом 2143 человека показывают, что в отношении сожительства уровень тяжелых форм физического насилия в целом в пять раз выше, чем в брачных отношениях (Yllo, Straus 1981). Проведенный автором анализ зарубежной литературы позволил выделить четыре основных предположения о существовании сходств и различий в уровне физического насилия в добрачных и супружеских отношениях.

Первый подход строится на предположении, что добрачные и супружеские отношения представляют собой, по сути, одно явление. Уровень удовлетворенности отношениями и уровень депрессии в обеих формах отношений примерно одинаковый (Musick, Bumpass 2006). Данный подход de facto лежит в основе большинства современных исследований, посвященных насилию в межличностных отношениях, где примеры «супружеского насилия» и «избивания жен» рассматриваются независимо от супружеского статуса пары (Walker 1979; Горшкова, Шурыгина 2003). Поэтому с позиции этого представления гипотеза об уровне насилия в этих отношениях будет заключаться в том, что *значимых различий в уровне насилия в добрачных и брачных отношениях нет.*

Согласно второму подходу, добрачные отношения характеризуются минимальным уровнем насилия по сравнению с отношениями супружества. Отношения свиданий и сожительства рассматриваются как лучшее время для женщины, романтическая прелюдия, основная функция которой — завлечь женщину в брак. Гипотеза заключается в том, что *насилие не является частью добрачных отношений и характеризует исключительно супружеские / семейные отношения.*

Третий подход строится на том основании, что именно в динамике супружеских отношений кроется главный источник насилия. Следовательно, насилие между интимными партнерами будет нарастать по мере приближения их отношений к модели традиционных супружеских отношений. Согласно этой точке зрения, свидетельство о браке дает право на насилие («marriage license is a hitting license») (Yllo, Straus 1981).

Четвертый подход заключается в ожидании более высокого уровня физического насилия в отношениях сожительства по сравнению с супружескими отношениями и отношениями свиданий. Сторонники этой точки зрения строят свою гипотезу на основании значимых различий в структуре добрачных и брачных отношений, заключающихся в незавершенности такого социального института, как сожительство (Nock 1995; Kenney, McLanahan 2001).

Настоящее исследование проводится с позиции «перспективы семейного насилия». Сторонники этого направления (прежде всего М. Страус, Д. Хайнс, Э. Даглас, Р. Геллес, С. Стайнметц и др.) понимают под насилием не односторонний процесс (мужчина — насильник, женщина — жертва, как в рамках радикальной феминистической перспективы), а сложную динамику отношений между активными членами коммуникации — мужчиной и жен-

щиной. Опираясь на предположение о том, что женщины также способны к насилию (особенно на фоне роста женской преступности), вопросы о совершении насилия и виктимизации задавались как мужчинам, так и женщинам, что позволило получить данные о поведении обоих партнеров в процессе разрешения конфликтов и разногласий в интимных отношениях.

Процедура и методы исследования. Репрезентативное общероссийское исследование насилия проводилось автором осенью 2007 г. Сбор первичных данных осуществляла автономная некоммерческая организация Левада-Центр. Общий размер выборки составил 2009 человек. Выборка была многоступенчатой стратифицированной вероятностной и репрезентативной относительно всего взрослого населения России в возрасте от 16 лет и старше по полу, возрасту, образованию, месту проживания и политическим ориентациям. Опрос проводился в 154 городских и сельских населенных пунктах, расположенных в одиннадцати республиках, семи краях, 36 областях.

Помимо стандартных вопросов о демографических переменных в целях настоящего исследования респондентам задавался вопрос о семейном положении со следующими вариантами ответов: 1) холост (не замужем); 2) женат (замужем); 3) живем вместе, но официально не состоим в браке; 4) живем порознь, но не разведены; 5) разведен (разведена); 6) вдовец (вдова). Это делалось с целью выявить категорию респондентов, состоящих в отношениях сожительств (категория 3) в отличие от брачных отношений (категория 2). Далее респондентам, выбравшим первый и с четвертого по шестой варианты, предлагалось ответить на вопрос: *«Состоите ли вы с кем-нибудь в таких отношениях, когда вы живете не вместе со своим/ей партнером/партнершей, но у вас бывают интимные встречи у него/у нее дома (или где-либо еще)?»* — с вариантами ответов «да» и «нет». Этот вопрос был направлен на выявление группы респондентов, состоящих в отношениях свиданий (ухаживания).

Для получения информации об уровне физического насилия в межличностных интимных отношениях респондентам задавались четыре вопроса, являющиеся частью сокращенной формы конфликтных тактических шкал (КТШ), разработанных М. Страусом и Э. Даглас в 2004 г. (Straus, Douglas 2004). Сокращенный вариант КТШ требует около трех минут для заполнения. При создании нового инструмента М. Страус и Э. Даглас предупреждали, что сокращенный вариант КТШ из-за меньшего объема может приводить к заниженным показателям уровня и частоты физического насилия по сравнению с полной версией шкал, которые обладают большей чувствительностью (Straus, Douglas 2004: 517). На вопросы о физическом насилии предлагалось ответить только тем респондентам, чей брак или интимные отношения длились не менее одного года. Кроме того, перед вопросами на выявление уровня физического насилия в интимных отношениях в соответствии с правилами проведения КТШ респондентам в анкете предлагалась преамбула следующего содержания: *«Бывает так, что между мужем и женой или интимными партнерами возникают споры, разногласия, серьезные конфликты. Эти ситуации разные пары улаживают по-разному, но иногда дело доходит даже до рукоприкладства. Ответьте, пожалуйста, сколько раз за*

последний год у вас с мужем (женой) / партнером (партнершей) возникали следующие ситуации: (для краткости и супругов, и интимных партнеров будем называть партнерами)...» Таким образом, здесь был сделан акцент на формах поведения именно в конфликтных ситуациях, а не в игровом или каком-либо другом аспекте интимных отношений.

Итак, ситуации были следующими:

- a. Я толкал/а мою/моего партнершу/партнера или давал/а пощечину ей/ему.
- b. Мой партнер/моя партнерша толкал/а меня или давал/а пощечину мне.
- c. Я избивал/а (кулаками, ногами и пр.) мою/моего партнершу/партнера.
- d. Мой партнер/моя партнерша избивал/а (кулаками, ногами и пр.) меня.

Респондентам предлагалось выбрать число раз совершения насилия или виктимизации в результате насилия по каждому из четырех форм поведения за предшествующий исследованию год: 1 раз; 2 раза; 3–5 раз; 6–10 раз; 11–20 раз; больше 20 раз; ни разу, но бывало раньше; никогда. Этот вопрос позволяет получить данные о частоте и уровне совершения физического насилия за предшествующий исследованию год, как самим респондентом (категории а и с), так и интимным партнером респондента (категории b и d). Преобразовав порядковую переменную в дихотомическую переменную, где категория 0 присваивалась тем, кто никогда не сталкивался с той или иной формой поведения, а 1 — сталкивался как минимум один раз, мы делали выводы об уровне совершения насилия или виктимизации в результате насилия. Каждый из двух вопросов о совершении насилия со стороны партнера был направлен на выявление уровня легких форм физического насилия («толкать, давать пощечину») и тяжелых форм физического насилия («избивать (кулаками, ногами и пр.)»). Надежность шкалы совершения физического насилия для респондентов в настоящем исследовании составила 0,62.

Основные характеристики респондентов даны в табл. 1. Вопрос о семейном положении респондентов позволил выявить, что почти половина всех респондентов (46,9 %, $n = 942$) состоят в брачных отношениях и 4 % ($n = 80$) состоят в отношениях сожительства. Из остальных 49,1 % в отношениях свиданий состоят 17,6 % респондентов, что в абсолютных цифрах составляет 174 человека. При этом число респондентов в отношениях свиданий (ухаживания) оказалось примерно равным в трех группах: среди холостых в отношениях свиданий состоят 28,1 % респондентов, среди хотя и состоящих в браке, но живущих отдельно — 28,6 %, среди разведенных — 22,1 %, и в группе вдовцов этот процент намного ниже — 2 % ($\chi^2(3) = 97,2, p < 0,001$). Из табл. 1 видно, что большинство респонденток состоят в отношениях сожительства (61,3 %). Как и ожидалось, статус интимных отношений значимо связан с возрастом респондентов, а именно: в отношениях свиданий состоят в основном молодые люди (средний возраст 30 лет), в отношениях сожительства — 35-летние респонденты и в брачных отношениях — респонденты, средний возраст которых составил 47 лет. Далее нами выявлены вполне неожиданные данные о статистически значимо низких доходах супругов (5824 руб.) по сравнению с сожителями (7464 руб.) и партнерами на свиданиях (9538 руб.). Однако тот факт, что в современной России наибольшие доходы приходится на молодых респондентов (ВЦИОМ 2007; ВЦИ-

ОМ, Пресс-выпуск № 623), что радикально отличается от ситуации в западных странах, где максимальные доходы приходится на респондентов старше 50 лет и сожители при этом моложе супругов, объясняет полученные данные. При сравнении уровня образования респондентов в зависимости от статуса отношений выявлены ожидаемые различия: респонденты в отношениях свиданий оказались более высокообразованными, чем сожители и супруги (чей уровень образования оказался примерно одинаковым). Однако социально-профессиональный статус респондентов, измеренный в зависимости от характера выполняемого труда, не зависел от статуса их интимных отношений. Из табл. 1 следует, что респонденты в отношениях свиданий чаще супругов и сожителей проживали в больших городах, включая Москву и Санкт-Петербург.

Таблица 1

Характеристика респондентов, состоящих в трех типах интимных отношений (n = 1196)

Переменная	Тип интимных отношений			Значимость различий
	Брак (n=942)	Сожительство (n=80)	Свидания (n=174)	
Пол (% женщин)	58,2	61,3	59,2	0,33
Возраст, среднее и станд. откл. (в годах)	46,9 (16,0)	35,3 (13,8)	30,2 (11,3)	100,9***
<i>Возраст, %</i>				
16–24	7,7	31,3	42,0	212,9***
25–39	28,6	33,8	37,4	
40–54	29,6	26,3	18,4	
55–90	34,1	8,8	2,3	
Среднедушевой доход, среднее и станд. откл. (в рублях)	5823,5 (5026,1)	7463,8 (7750,3)	9538,2 (12204,9)	20,5***
<i>Среднедушевой доход, %</i>				
низкий (до 2988 руб.)	26,6	21,9	20,5	23,5***
средний (2988 — 8066 руб.)	52,9	52,1	41,1	
высокий (более 8066 руб.)	20,5	26,0	38,4	
<i>Образование, %</i>				
Высшее и незак. Высшее	27,6	27,5	39,7	12,0*
Среднее профессиональное	57,3	57,5	51,1	
Ниже среднего	15,1	15,0	9,2	
Религиозность (% считающих себя православными)	73,4	76,7	69,8	1,44
Национальность (% русских)	86,4	89,9	87,3	0,80
<i>Социально-профессиональный статус, %</i>				
Безработные	6,5	5,6	12,6	5,66
Физический характер труда	35,9	35,2	32,8	
Умственный характер труда	57,6	59,3	54,6	
Доля учащихся (в техникуме, училище, ВУЗе, ПТУ, средней школе)	1,5	16,0	52,4	173,7***
<i>Размер населенного пункта, %</i>				
Большие города и Москва, СПб	27,0	28,2	37,9	13,8**
Средние и малые города	44,8	53,8	41,4	
Села	28,2	17,5	20,7	

Переменная	Тип интимных отношений			Значимость различий
	Брак (n=942)	Сожительство (n=80)	Свидания (n=174)	
<i>Регион, %</i>				18,8**
Европейская часть	67,3	47,5	64,4	
Сибирь	28,1	45,0	34,5	
Дальний Восток	4,6	7,5	1,1	

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$. Значения p основаны на χ^2 для категориальных переменных и F — для метрических переменных, для которых показаны средние значения.

Результаты исследования.

Общий уровень совершения насилия (независимо от типа отношений). На вопрос о совершении как минимум одной из форм физического насилия над интимным партнером за предшествующий исследованию год независимо от типа интимных отношений 10,2 % ($n = 121$) респондентов ответили утвердительно. Подчеркнем, что другие 10 % отметили, что не совершали ни одной из перечисленных форм насилия в прошлом году, но делали это ранее. Таким образом, общий уровень насилия, совершенный респондентами из случайной выборки россиян к моменту исследования составил 20,3 % ($n = 240$). В настоящем исследовании анализу будут подвергнуты данные респондентов о совершении насилия в течение предшествующего исследованию года, т.е. годовой уровень насилия. Выявлено, что женщины в выборке чаще мужчин сообщали о совершении насилия над своими партнерами, как за предшествующий год (11,2 % и 8,8 %), так и за весь период их отношений (20,7 % и 19,6 %). Однако это различие не достигло уровня статистической значимости.

Совершение насилия в зависимости от статуса отношений. Для получения данных об общем уровне насилия шкалы легких и тяжелых форм насилия были объединены в одну. Распределение ответов респондентов о совершении ими как минимум одного вида насилия над партнером в зависимости от статуса отношений показано ниже в табл. 2.

Таблица 2

Уровень совершения легких и тяжелых форм насилия в течение 12 месяцев по типу интимных отношений, % ($n = 1183$)

	Тип интимных отношений			χ^2
	Брак	Сожительство	Свидания	
Общий уровень насилия	8,9	20,5	13,1	12,4** ($G=0,27$)
Легкие формы насилия	8,8	19,2	13,1	10,7**
Тяжелые формы насилия	1,2	3,8	3,0	5,58*

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$; G — коэффициент гамма.

По общему уровню совершения насилия различия между супругами, сожителями и партнерами на свиданиях значимые ($\chi^2(2)=12,4, p<0,01; G$ (коэффициент гамма) = 0,27). Коэффициент гамма означает, что при наличии данных о независимой переменной (в данном случае типе интимных отношений), мы совершим на 27 % меньше ошибок в предсказании значения зависимой переменной (уровень совершения насилия). Очевидно, что большинство форм насилия представлены легкими формами (толчки, шлепки, пощечины) и совершаются чаще всего в отношениях сожительства.

Главный вопрос, на который нам предстоит ответить: *обусловлены ли различия в уровне насилия в трех типах интимных отношений самой природой этих отношений или являются следствием действия других переменных, которые связаны не только с типом отношений и уровнем насилия, но и значимо воздействуют на тесноту связи между этими переменными?* Из криминологической литературы известно, что такими факторами могут служить прежде всего демографические переменные, такие как пол, возраст, уровень образования, среднедушевой доход респондентов и социально-профессиональный статус респондента. Проконтролируем влияние каждой из этих переменных на парную связь «тип интимных отношений — уровень совершения насилия над партнером». Для этого прибегнем к методу многомерного анализа, который заключается в детальной разработке таблиц сопряженности с вычислением коэффициента гамма (G). В табл. 3 представлены данные об уровне совершения насилия в трех типах отношений с учетом влияния каждой из управляющих переменных.

Таблица 3

Число респондентов (в %), сообщивших о совершении как минимум одного вида насилия над партнером, по типу отношений и социально-демографическим переменным, (n = 1196)

	Брак (n = 942)	Сожительство (n = 80)	Свидание (n = 174)	Коэффициент частной корреляции (Gr)
<i>I. Пол респондента</i>				
Мужчины	7,4	20,7	11,8	0,31
Женщины	9,9	20,4	14,0	0,24
<i>II. Возраст респондента</i>				
До 24 лет	19,2	20,0	9,7	-0,28
От 25 до 39 лет	10,9	26,9	18,3	0,32
От 40 до 54 лет	9,4	20,0	12,5	0,25
55 лет и старше	4,4	0	0	-1,0
<i>III. Образование респондента</i>				
Высшее или неоконченное высшее	10,5	23,8	5,8	-0,08
Среднее специальное	8,3	22,2	21,7	0,48
Неполное среднее	7,8	8,3	0	-0,41
<i>IV. Среднедушевой доход респондента</i>				
Низкий (до 2988 руб.)	8,5	12,5	20,7	0,39
Средний (2988–8066 руб.)	9,7	21,6	13,3	0,26
Высокий (более 8066 руб.)	9,3	27,8	13,8	0,26

<i>V. Социально-профессиональный статус респондента</i>				
Безработный	22,2	66,7	38,5	0,39
Физический труд	9,1	26,3	13,2	0,30
Умственный труд	10,1	19,4	7,9	0,04
<i>VI. Размер населенного пункта</i>				
Большие города, Москва, СПб	9,9	27,3	9,1	0,11
Средние и малые города	10,0	16,7	15,9	0,25
Села	6,0	21,4	15,2	0,49

Пол респондента. Введение в анализ в качестве управляющей переменной пола респондента не повлияло значимо на тесноту связи между исходными переменными. Несколько более высокое значение коэффициента гамма для мужчин ($G_p = 0,31$) по сравнению с исходным значением ($G = 0,27$) может говорить о чуть более сильной исходной связи между X и Y для мужчин, нежели для женщин. Расчет критерия хи-квадрат в совершении насилия мужчинами и женщинами в каждом типе отношений не выявил значимых статистических различий. В целом очевидно, что общий уровень физического насилия, совершаемого женщинами в добрачных отношениях, не ниже мужского, и в отношениях свиданий и супружества даже несколько превышает его, но эти различия статистически не значимы. Причем данные о гендерной симметрии в совершении насилия над интимным партнером согласуются с полученными ранее результатами (Лысова 2006; Stets, Straus 1999). Однако гендерные различия в уровне совершения насилия могут проявиться в случае анализа тяжелых форм насилия (например, бить ногами или кулаками) (табл. 4).

Таблица 4

Уровень совершения тяжелых форм насилия мужчинами и женщинами, по типу интимных отношений, % ($n = 1183$)

Тип отношений	Мужчины	Женщины	Всего	Значимость критерия хи-квадрат
Брак	1,3	1,1	1,2	н/з
Сожительство	6,9	2,0	3,8	н/з
Свидания	2,9	3,0	3,0	н/з

Различия между мужчинами и женщинами в уровне совершения тяжелых форм насилия не достигают уровня статистической значимости на 0,05 уровне. Из таблицы видно, что женщины чаще мужчин сообщали о совершении тяжелых форм насилия над своим партнером на свиданиях, в то время как в три раза больше мужчин, чем женщин, сообщали о совершении насилия над партнером в отношениях сожительства. Таким образом, переменная пола респондента не оказывает статистически значимого влияния на тесноту исходной связи между типом интимных отношений и уровнем совершения насилия респондентом. Уровень насилия по-прежнему остается максимальным в отношениях сожительства и снижается в отношениях свиданий и в брачных отношениях.

Возраст респондента. Сравнение частотных таблиц друг с другом и с исходной таблицей сопряженности позволяет обнаружить связь, соответствующую модели взаимодействия. Это также подтверждают значения коэффициентов гамма, которые значимо варьируют от одной возрастной группы к другой. Связь между исходными переменными ослабла в возрастной категории респондентов до 24 лет и старше 55 лет, но усилилась в возрастной группе респондентов от 25 до 39 лет. Исходное соотношение уровня насилия с типом отношений полностью меняется в возрастной категории старше 55 лет, где наибольший уровень насилия совершается супругами. Однако это может объясняться малым числом респондентов этого возраста, состоящих в других типах отношений. В целом уровень совершения насилия снижается с возрастом, однако это не совсем верно для отношений свиданий, где уровень насилия меняется нелинейно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что влияние статуса интимных отношений на уровень совершения насилия не одинаково в разных возрастных группах, и поэтому возраст респондентов необходимо учитывать в качестве контрольной переменной в дальнейших исследованиях. Тем не менее уровень совершения насилия в отношениях сожительства даже в случае контроля переменной возраста респондентов сохраняется наиболее высоким по сравнению с двумя другими типами отношений, за исключением респондентов-сожителей старше 55 лет. Дальнейший корреляционный анализ влияния возраста респондентов на уровень совершения ими насилия выявил ожидаемую статистически значимую, но слабую негативную связь ($r = -0,14$, $p < 0,001$), что согласуется с результатами многих криминологических и социологических исследований: молодые респонденты чаще склонны к совершению насилия в интимных отношениях, чем старшие по возрасту респонденты, однако пик совершения насилия в интимных отношениях независимо от типа отношений приходится на возрастную группу 25–39 лет.

Уровень образования респондентов. Более низкий уровень совершения насилия респондентами, встречающимися на свиданиях, может быть связан с более высоким уровнем образования респондентов в этой группе. Для «снятия» эффекта образования уровень образования респондентов послужил контрольной переменной в выявлении взаимосвязи между типом интимных отношений и уровнем совершения насилия (см. табл. 3, п. III). Приведенные в таблице значения коэффициентов гамма для каждой из частотных таблиц, построенных в зависимости от уровня образования, значимо отличаются от значения коэффициента гамма в исходной таблице, что говорит о том, что эта переменная способна влиять на связь между исходными переменными. Однако речь идет о многомерном интерактивном влиянии, так как из частных таблиц сопряженности не следует, что уровень насилия снижается с ростом уровня образования респондентов. Интересно отметить, что корреляционный анализ также не выявил статистически значимой связи между уровнем образования респондентов и совершением ими насилия в интимных отношениях. Однако подобный неожиданный результат уже был получен ранее

(Straus etc. 1980: 147). Несмотря на значимое влияние уровня образования респондентов на тесноту связи между типом отношений и уровнем совершения ими насилия, анализ выявил, что сожители чаще совершают насилие, чем супруги и партнеры на свиданиях.

Среднедушевой доход респондентов. Известно, что уровень доходов респондентов способен оказывать значимое влияние на уровень совершения насилия. Сравнение частотных таблиц друг с другом и с исходной таблицей сопряженности позволяет выявить слабую интерактивную связь. Из раздела IV табл. 3 видно, что для респондентов с низкими доходами (менее 2988 руб.) исходное соотношение в уровне насилия по типу отношений изменилось: низкие доходы — фактор риска для совершения насилия партнерами на свиданиях. В двух других группах соотношение осталось почти неизменным. Необычным оказался тот факт, что насилие часто совершается респондентами со средними и высокими доходами независимо от статуса отношений. Это противоречит большинству исследований в западных странах, где наблюдается значимая негативная корреляция между уровнем доходов и уровнем совершения насилия. Однако это не значит, что насилие вовсе не происходит в богатых семьях. Так, например, в исследовании М. Страусом уровня насилия в восьмидесяти семьях в Нью-Гемпшире самый высокий уровень насилия был обнаружен в семье с самым высоким годовым доходом (Straus et al. 1980: 144). В России проведенные ранее исследования также не выявили значимой связи между уровнем доходов и совершением как физического насилия (Римашевская и др. 1999: 218, 227), так и вербальной агрессии в семье (Лысова 2007). Итак, данные о доходах респондентов также важно учитывать в дальнейшем анализе в качестве контрольной переменной, хотя в отношениях сожительства уровень насилия в целом выше, чем в двух других формах отношений.

В связи с тем, что нами не выявлены предполагаемые значимые корреляции между образованием респондентов и их доходами с уровнем совершения насилия, мы включили в анализ еще одну переменную, которая помимо двух указанных выше отражает статус человека в обществе. Это социально-профессиональный статус респондента и род его занятий. Исходная номинальная переменная социально-профессионального статуса, состоящая из 14 категорий, была преобразована в новую переменную с тремя категориями, отражающими статус респондентов в зависимости от характера выполняемого ими труда. Для этого мы использовали принятое в западном обществе разделение на умственный труд («белые воротнички») и физический труд («синие воротнички»). Кроме того, вслед за М. Страусом и его коллегами, которые в известном исследовании «Behind closed doors» выявили наиболее высокий уровень насилия среди безработных, мы выделили безработных в отдельную категорию. Далее переменная социально-профессионального статуса респондента была включена в качестве управляющей переменной в анализ тесноты связи между уровнем совершения насилия и типом интимных отношений (см. табл. 3, п. V). Видно, что новая переменная оказала существенное влияние на тесноту связи, усилив ее в группе безработных и респондентов, занятых

физическим трудом, и ослабив ее в группе респондентов, занятых умственным трудом. Из таблицы следует, что отсутствие работы является фактором риска для совершения насилия, прежде всего сожителями — 2/3 безработных сожителей сообщили о совершении насилия над партнером. Очевидно, что в сожительстве уровень совершения насилия сохраняется самым высоким по сравнению с двумя другими типами отношений независимо от социально-профессионального статуса респондента. Из табл. 3 также следует, что респонденты, занятые умственным трудом, реже совершают насилие, чем респонденты, занятые физическим трудом или безработные.

Размер населенного пункта в качестве управляющей переменной оказал значимое влияние на тесноту связи между типами отношений и уровнем насилия в них, однако сожители по-прежнему проявляют самый высокий уровень насилия.

Выводы

Первоначальный расчет уровня совершения насилия в зависимости от статуса отношений респондентов выявил значимые различия с самым высоким уровнем насилия в отношениях сожительства (20,5 %), затем в отношениях свиданий (13,1 %) и с минимальным уровнем — в брачных отношениях (8,9 %). Подчеркнем, что речь идет о годовом уровне совершения насилия, так как уровень насилия за весь период отношений превышает данный показатель в два раза. Включение в анализ управляющих переменных — пола, возраста, образования, доходов, социально-профессионального статуса респондентов и размера населенного пункта — показало необходимость их учета в случае измерения уровня насилия в зависимости от типа интимных отношений, так как эти переменные сами по себе значимо связаны с совершением насилия и типом отношений. Отметим, однако, что пол респондента и среднедушевой доход почти не повлияли на тесноту связи между исходными переменными. При этом молодой возраст респондентов (до 39 лет) и отсутствие работы способствовали более высокому уровню насилия в добрачных отношениях, прежде всего отношениях сожительства. Подчеркнем, что даже при учете действия контрольных переменных тип интимных отношений оказывает самостоятельное значимое воздействие на уровень совершения насилия. Именно в отношениях сожительства уровень совершения насилия является максимальным, затем наблюдается его снижение в отношениях свиданий, достигая минимального уровня в брачных отношениях.

Обсуждение

Итак, полученные данные о более высоком уровне насилия в отношениях сожительства, чем в супружестве и отношениях свиданий, подтверждают четвертое предположение, выдвигаемое нами выше. Безусловно, необходимы дальнейшие исследования, которые бы позволили объяснить получен-

ный результат на выборке российских респондентов. В качестве возможных объяснений, которые в свою очередь могут послужить гипотезами для дальнейших исследований, мы приведем прежде всего структурную «незавершенность» института сожительства и связанные с этим психологические факторы, а также особенности социального обмена в добрачных отношениях.

Институт сожительства и институт брака регулируются разными законами и социальными нормами. Социальные санкции за несоблюдение традиций официального брака гораздо строже, чем в отношениях сожительства. Это в свою очередь способствует тому, что супружеские пары могут в большей степени стремиться к разрешению совместных проблем и достижению компромиссов, чем партнеры в отношениях сожительства, которые в меньшей степени контролируются социальными и юридическими нормами и законами (Nock 1995). В связи с этим Л. Уайт и М. Галлахер предположили, что свидетельство о браке скорее защищает замужних женщин от домашнего насилия, чем наоборот (Waite, Gallagher 2000: 56). Под сдерживающими насилие в браке механизмами эти и другие ученые понимали прежде всего социальную интеграцию супругов в определенную группу, которая служит как средством социальной поддержки, так и средством социального контроля (Stets 1991). Несмотря на то что отношения сожительства представляют собой интимные отношения с подобной браку внутренней структурой и гендерным разделением труда, они отличаются по степени включенности в родственные отношения обоих партнеров. Сожители в большей степени, чем супруги, изолированы от родственных контактов (Stets, Straus 1999).

Другой вероятный фактор насилия в отношениях сожительства связан с конфликтами по поводу контроля в отношениях. В отличие от брачных отношений, где супруги в большей степени могут быть готовы подчинить свои индивидуальные нужды другому партнеру во имя целостности отношений и семьи, в отношениях сожительства партнеры склонны остро реагировать на попытки одного партнера подчинить себе другого (Dutton et al. 2005). Помимо этого в период растущей маргинализации дома и семьи, а также эгалитаризации отношений между полами в большинстве современных развитых обществ дом, по мнению А. Хохшильд, становится местом, где человек скорее испытывает фрустрацию и неудовлетворенность, в то время как работа становится местом достижений личного удовлетворения и повышения самооценки (цит. по: Бьернберг 2003: 179). Кроме того, сожительство все еще является той формой межличностных отношений, которые в обществе одобряются далеко не всеми (Thornton 1988; Богданова, Щукина 2003). Это может вызывать большой стресс в отношениях сожительства, что в свою очередь будет способствовать более высокому уровню в них насилия (Magdol et al. 1998).

Более того, структурная «незавершенность» института сожительства может негативно сказываться на психологическом фоне отношений, это может способствовать более частому совершению насилия в отношениях сожительства, чем в зарегистрированном брачном союзе. К психологическим факторам относится легкость разрыва добрачных интимных отношений по срав-

нению с официальными брачными отношениями, что, как ни парадоксально, может способствовать совершению насилия над партнером, как мужчинами, так и женщинами. Для женщин упрощенность прекращения отношений сожителства связана с большей угрозой одиночества и социальной изоляции, чем прерывание брачных отношений. Это может способствовать большей готовности женщин применять силу и агрессию для разрешения конфликтных ситуаций (Ben-David 1993), а это может вести к усилению насильственной динамики в отношениях сожителства. Стресс по поводу неопределенного, юридически не закрепленного статуса отношений грозит безопасности статусу женщины и ее главной сферы — семейной (Lane, Gwartney-Gibbs 1985; Makepeace 1983). С момента заключения официальных брачных отношений стресс после прохождения первой стадии приспособления постепенно ослабевает. В отношениях сожителства стресс с течением времени у женщин, наоборот, усиливается (Brown 2000). Мужчины в отношениях сожителства могут более остро переживать ревность, что может приводить к более частым конфликтам и насилию, которое завершается убийством партнера (Shackelford 2001). В целом высокая нестабильность отношений сожителства ведет к низкой удовлетворенности этими отношениями (Brown, Booth 1996) и более высокому уровню депрессии в них, чем в брачных отношениях (Brown 2000). Западные исследования показывают, что женщины и мужчины в отношениях сожителства гораздо чаще злоупотребляют алкоголем, чем супруги (Horwitz, White 1998). Отметим также, что воспринимаемая вероятность развода в брачных отношениях, которым предшествовали длительные отношения сожителства, выше, чем в брачных отношениях с более коротким опытом сожителства или вообще без опыта сожителства (Thomson, Colella 1992). Таким образом, отношения сожителства содержат в себе потенциал тревоги и психологического дистресса, что создает гораздо больше стимулов к совершению насилия в этих отношениях по сравнению с супружеством.

Одно из других возможных объяснений более высокого уровня насилия между сожителями по сравнению с партнерами на свиданиях предложено Д. Мейкписом (Makepeace 1983). Оно основано на принципах теории социального обмена. В случае конфликтов на этапе первых свиданий способом их разрешения часто становится прекращение отношений по инициативе одной или сразу обеих сторон. С позиции теории социального обмена партнеры еще мало вложили в отношения, и поэтому относительно легко идут на их завершение. Однако по мере углубления отношений каждый из партнеров достаточно много привносит в отношения, что затрудняет их разрыв. Более того, применение силы часто социально приемлемо, например в качестве «любовной ссоры» и т.д. Кроме того, молодые люди могут чувствовать себя ответственными за разрешение возникших в отношениях проблем. Таким образом, важным фактором, определяющим динамику насилия на этой стадии, становится эмоциональная или жилищная «ловушка» или зависимость. С позиции теории социального обмена сила является одним из важных ре-

сурсов, который может быть использован для достижения цели, когда другие эмоциональные и материальные ресурсы уже не эффективны.

Еще одним возможным объяснением высокого уровня насилия в интимных добрачных отношениях может служить тенденция женщин, преимущественно с низким уровнем доходов и ставших жертвами сексуального и физического насилия в разные периоды своей жизни, к избеганию стабильных длительных брачных отношений и установлению кратковременных, часто сменяющих друг друга отношений сожительства с разными партнерами (Cherlin et al. 2004). Эти женщины чаще тех, которые устанавливают брачные отношения, страдают от чувства вины, низкой самооценки, неуверенности в себе, обвиняют себя в случившемся. Их психологические ресурсы справляться с ситуацией ограничены. Это может способствовать их последующей виктимизации в новых временных и нестабильных отношениях сожительства.

В заключение отметим, что один из возможных серьезных *недостатков* настоящего исследования, а также предшествующих западных исследований, выявивших более высокий уровень насилия в отношениях сожительства, может заключаться в неверном отборе сожителями респондентов, когда происходит смешение двух разных видов сожительства (Kenney, McAnahan 2001). В первую группу входят люди, имеющие планы заключить брак, и, вероятно, в меньшей степени склонные к совершению насилия над партнером. Ко второй группе могут относиться сожители, не стремящиеся в брак, как правило, менее образованные, более бедные, с проблемами злоупотребления психоактивными веществами и предположительно более склонные к совершению насилия. Подразделение сожителей на группы в последующих исследованиях позволит получить более точное представление о связи уровня насилия со статусом отношений.

Литература

Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100–104.

Бьернберг У. Любовь и обязательства в новом тысячелетии. О связи семейного насилия и нового понимания любви и семейных обстоятельств // Обыкновенное зло: Исследования насилия в семье / Сост. и ред. О.М. Здравомыслова. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 179.

Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. №4. С. 46–60.

ВЦИОМ: Если вам немного за тридцать. Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8362.html> (07.12.2007)

ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 623. Как растут доходы россиян. Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3955.html> (07.12.2007).

Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 111.

Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в современных российских семьях. М.: МАКС Пресс, 2003.

Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е.Тихоновой. М.: РОССПЭН, 2002.

Лысова А.В. Вербальная агрессия в семье: факторы риска и модели объяснения // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007. № 25. С. 118–142.

Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 94–103.

Население России 2003–2004: Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006.

Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999.

Ben-David S. The two facets of female violence: The public and the domestic domains // *Journal of Family Violence*. 1993. Vol. 8. No. 2. P. 345–359.

Brown S.L. The Effect of Union Type on Psychological Well-Being: Depression among Cohabitators versus Marrieds // *Journal of Health and Social Behavior*. 2000. Vol. 41. No. 3. P. 241–255.

Brown S.L., Booth A. Cohabitation versus Marriage: A Comparison of Relationship Quality // *Journal of Marriage and the Family*. 1996. Vol. 58. No. 3. P. 668–678.

Cherlin A.J., Burton L.M., Hurt T.R., Purvin D.M. The Influence of Physical and Sexual Abuse on Marriage and Cohabitation // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. No. 6. P. 768–789.

Dutton M.A., Goodman L., Schmidt R.J. Development and validation of a coercive control measure for intimate partner violence. Final Technical Report. For the National Institute of Justice. Washington, D.C.: COSMOS Corporation, 2005.

Horwitz A.V., White H.R. The Relationship of Cohabitation and Mental Health: A Study of a Young Adult Cohort // *Journal of Marriage and the Family*, #60 (2), 1998, pp. 505–514.

Kenney C.T., McLanahan S.S. Are cohabiting relationships more violent than marriage? Center for research on child wellbeing. Working paper № 01-22. 2001. Режим доступа: http://www.jcpr.org/wpfiles/kenney_mclanahan.pdf

Lane K. E., Gwartney-Gibbs P. A Violence in the context of dating and sex // *Journal of Family Issues*. 1985. No. 6. P. 45–59.

Magdol L., Moffitt T.E., Caspi A., Silva P.A. Hitting Without a License: Testing Explanations for Differences in Partner Abuse between Young Adult Daters and Cohabitators // *Journal of Marriage and the Family*. 1998. Vol. 60. No. 1. P. 41–55.

Makepeace J.M. Life Events Stress and Courtship Violence // *Family Relations*. 1983. Vol. 32. No. 1. P. 101–109.

Musick K., Bumpass L. Cohabitation, marriage, and trajectories in well-being and relationships. LA: California Center for Population Research, 2006.

Nock S.L. A Comparison of Marriages and Cohabiting Relationships // *Journal of Family Issues*. 1995. Vol. 16. P. 53–76.

Shackelford T.K. Cohabitation, marriage, and murder: Woman-killing by male romantic partner // *Aggressive Behavior*. 2001. Vol. 27. P. 284–291.

Stets J.E. Cohabiting and Marital Aggression: The Role of Social Isolation // *Journal of Marriage and the Family*. 1991. Vol. 53. No. 3. P. 669–680.

Stets J.E., Straus M.A. The marriage license as a hitting license: a comparison of assaulting in dating, cohabiting and married couples // *Physical violence in American families. Risk factors and adaptations to violence in 8, 145 families* / Ed. by M.A. Straus, R.J. Gelles, C. Smith. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. P. 227–245.

Straus M.A., Douglas E.M. A Short form of the Revised Conflict Tactics Scales, and typologies for severity and mutuality // *Violence and Victims*. 2004. Vol. 5. No 19. P. 507–520.

Straus M.A., Gelles R.J., Steinmetz S.K. *Behind closed doors: Violence in the American family*. New York: Anchor; Doubleday, 1980.

Thomson E., Colella U. Cohabitation and Marital Stability: Quality or Commitment? // *Journal of Marriage and the Family*. 1992. Vol. 54. No 2. P. 259–267.

Thornton A. Cohabitation and marriage in the 1980s // *Demography*. 1988. Vol. 25, P. 497–508.

Waite L., Gallagher M. *The case for marriage: Why married people are happier, healthier, and better off financially*. New York: Doubleday. 2000. P. 56.

Walker L. *The battered woman*. New York: Harper & Row Publishers, 1979.

Yllo K., Straus M.A. Interpersonal Violence among Married and Cohabiting Couples // *Family Relations*. 1981. Vol. 30. No. 3. P. 339–347.